ДАЛИЯ

ТРУСКИНОВСКАЯ

ОБНАЖЕННАЯ В ШЛЯПЕ - КОРЗИНКА С БРИЛЛИАНТАМИ

БАЛЛАДА ОБ ИНДЮКЕ И ФАЗАНЕ

ПАРАБЕЛЛУМ ПО КЛИЧКЕ ДРУЖОК

Далия Трускиновская

Баллада об индюке и фазане

«Автор»
1995

Трускиновская Д. М.

Баллада об индюке и фазане / Д. М. Трускиновская — «Автор», 1995

© Трускиновская Д. М., 1995
© Автор, 1995

Далия Трускиновская
Баллада об индюке и фазане

Утро было ужасное.

Прежде всего, это было зимнее утро, а я терпеть не могу зиму. Точнее – мартовское. Но весной еще и не пахло.

Примерно в половине одиннадцатого я слонялась по комнате в длинном зимнем халате и время от времени относила в кухонный мусорник то подобранный на полу окурок, то пробку от винной бутылки. Попадалась и добыча покрупнее. Так, сопровождаемый ироническим взглядом, в мусорник канул носовой платок в крупную сиреневую клетку. Потом туда же был отправлен почти новый импортный блокнот с полуголой девицей на обложке. И, наконец, я без сожаления выпустила из пальцев флакон духов, в котором оставалось еще больше половины.

Из этого не следовало, что моя комната блистала чистотой и лишь флакон с платком вносили беспорядок. Совсем даже напротив. Но мне сейчас было важно избавиться именно от них, а тогда я бы почувствовала себя в раю даже посреди городской свалки, хотя обычно я порядок соблюдаю. Дома приучили.

Словом, мусорник наполнялся, а душа очищалась.

Время от времени я присаживалась на подоконник и глядела вниз. В глубине двора играли дети. Под моим окном, на дорожке, не играл никто. И не проходил тоже. Я видела, прижавшись горячим лбом к стеклу, только утоптанный снег и ничего больше, ни бумажки, ни веточки.

И еще застрявшую на березовых ветках «Литературную газету». Ветер чуть колыхал ее.

Итак, было около половины одиннадцатого, когда в дверь позвонили.

Я задумалась – открывать или нет?

Дело в том, что квартира у нас коммунальная, четыре семьи, включая меня. Но считать себя семьей я никак не могла, особенно этим утром. Так что в итоге получалось – три семьи без меня.

В это время все взрослые на работе, все дети в садиках и школах, все престарелые в магазинах и поликлиниках. Болеть вроде никто не болел, кроме меня. Но ко мне врач ужб приходил. Так что звонил человек, явно не знакомый с обычаями квартиры, не почтальонша и не дворник. Остается – заблудший гость или же милиция.

Заблудшему гостю открывать не стоило. А милиции… Да, пожалуй, после вчерашних событий я могла заинтересовать это учреждение… или, скорее, врача-психиатра…

Это мог быть и еще кто-то! Тот, кому я не успела сказать еще парочку ласковых слов. А за бессонную ночь и нелепое утро мне их в голову пришло немало, и все, как на подбор, были великолепны по тонкости и ядовитости.

В общем, я пошла открывать дверь.

На пороге стоял мужчина.

Он был в короткой шубе из искусственного меха. И мне эта коричневая шуба сразу не понравилась. Может быть, тем, что недавно я видела такие шубы в магазине уцененных товаров. А уважать вещь из такого магазина я никак не могу. Сама-то я искала там старомодные огромные пуговицы, которые, к огромному своему изумлению, обнаружила в английском модном каталоге.

– Здравствуйте, – сказал мужчина. – Я из угрозыска. Званцев моя фамилия. Пройти можно?

– Проходите, товарищ Званцев, – растерянно сказала я. – Только угрозыска мне сегодня и недоставало…

– Извините, что побеспокоил, – он развалисто шел за мной по коридору и говорил в спину. – Я уже был здесь рано утром, постучал к вам в двери…

Тут Званцев налетел на холодильник. Я испуганно обернулась. Холодильник покачнулся, но устоял, а я отметила неповоротливость гостя.

– Извините, – сказал Званцев, судя по взгляду – не мне, а холодильнику. – Я к вам стучал, но вы не ответили. Ваши соседи сказали, что вы очень поздно легли и вообще, кажется, заболели. Я решил зайти попозже. Все равно я был в ваших краях.

– Бюллетень на телевизоре, – довольно-таки сварливо ответила я, пропуская его в комнату. – И не стоило ради меня приносить такие жертвы. Раз уж вы переполошили всю квартиру, могли и меня разбудить. Я все равно слышала сквозь сон какой-то шум.

Видимо, Званцев приходил около восьми – тогда я действительно повалилась на разворошенную тахту и отключилась на полтора часа.

А сейчас он стоял посреди комнаты в своей жуткой шубе и хоть бы догадался шапку снять! Мне очень хотелось стащить с него эту шапку и выбросить в окно. Зная за собой такую способность, я усилием воли сдержалась.

– Ну, я же знал, что буду в вашем районе до обеда. К тому же у меня осталось еще несколько квартир неохваченных.

Я молчала. Званцев переступил с ноги на ногу, покачнувшись при этом. Я заинтересованно пригляделась – нет, трезв, только чем-то крепко ошарашен.

– Чем могу быть полезна? – как можно официальное спросила я.

– А вот чем…

Он помолчал, видимо, формулируя вопрос поточнее.

– Видите ли, я уже говорил с вашими соседями…

– Ну и что же?

– Они сказали, что у вас допоздна слышались голоса…

– Чьи голоса? – сурово поинтересовалась я.

– Ваши голоса.

– Да? Впервые слышу, что у меня их несколько.

– То есть вашего мужа. И ваш. Ваш и его. Ну, мужа.

Нетрудно было догадаться, как ему соседи охарактеризовали Бориса. Мялись, жались, отводили глаза и выкручивали экивоки в надежде на понятливость Званцева. Формулировка «муж» явно была его изготовления.

– Деликатность соседей меня радует, – невозмутимо ответила я. – Мне почему-то казалось, что они считают этого деятеля моим любовником.

Званцев ошалело на меня уставился.

– Позволю себе заметить, что я пришел совсем по другому вопросу, – наконец опомнился он. Эта непозволительно вежливая фраза у него прозвучала тяжеловесно и просто отвратительно. – Ваши соседи сказали мне, что вы поздно легли. Но дело не в этом. Ваше окно выходит во двор. Я это выяснил сразу. Не исключено, что вы примерно в два часа ночи стояли у окна и кое-что видели.

Он переступил с левой ноги на правую, а потом с правой на левую, дважды покачнувшись при этом. Я попробовала прикинуть амплитуду, и получилось никак не меньше пятнадцати градусов. В нашей беседе возникла пауза.

– Ну, предположим, не только мои окна… – сказала я, чтобы хоть что-нибудь прозвучало.

– Конечно. Остальных я почти всех обошел. Вы последняя остались. Я ведь этим с семи утра занимаюсь. На мою долю пришлось пятьдесят две квартиры.

– В нашем доме столько не наберется.

– Во двор выходят еще пять домов. Мы все проверили.

– И что же я могла видеть в два часа ночи? Честно говоря, мне даже стало любопытно. И это радовало, потому что после такой ночи обнаружить в себе щенячье любопытство – праздник. Значит, есть еще порох в пороховницах.

Он подошел к окну, я – за ним. Двор у нас – не приведи Господь. Но таким он был не всегда. Раньше в глубине нашего квартала стояли несколько деревянных домишек, каждый со своим двориком, палисадничком, а может, и огородиком. Снаружи, глядя на доходные дома, построенные в начале века, трудно было догадаться, что внутри – настоящая деревня. Хотя я видела в самом центре Риги еще два-три таких квартала. И там точно так же в мае цвели вишни, в июне – сирень, а осенью – георгины и астры.

Но вдруг за каких-то полтора месяца эти симпатичные домишки посносили, собираясь строить что-то эпохальное. Даже завезли какие-то трубы диаметром метра в полтора. Но тут наступила зима, и строители исчезли. Надо думать, вымерзли.

Итак, мы со Званцевым молча таращились на огромное, кое-как расчищенное пространство со всевозможными закоулками, в которое можно было проникнуть через восемь дверей и семь подворотен.

Обитатели двора, приспосабливаясь к новым условиям, протоптали несколько троп. Это были вполне официальные магистрали, по которым можно было, не огибая весь квартал, попасть на троллейбусную и трамвайную остановки, а также в магазины и химчистку. Тропы петляли вокруг труб и уцелевших развалин. Несколько из них было «взрослых» – максимально спрямленных, от подворотни к подворотне, посыпанных песочком, чтобы в седьмом часу утра, в неверном свете от окон, не поскользнуться на бегу, спеша на работу. «Детские» тропы исчезали в развалинах. А еще одна тропинка была собственностью местных алкоголиков. Во всяком случае, их я чаще всего наблюдала на этой тропинке, проходившей как раз под моим окном. Она ответвлялась от «химической» тропы и вела в наш подъезд, напротив которого – винно-водочный магазин.

– Вон там, видите, дверь? Званцев имел в виду дверь, от которой начиналась «химическая» тропа.

– Ну, вижу.

– На другой стороне улицы напротив нее – подворотня…

– Напротив – химчистка, а подворотня левее…

Элегантные следователи, сверкающие интеллектом с экранов, покраснели бы со стыда за этого растяпу. Мало того, что он находится в жилом помещении, не сняв шапки, мало того, что, с семи до одиннадцати слоняясь вокруг квартала, не усек, что и как расположено, так он же еще и опять принялся переступать с ноги на ногу, качаясь при этом, как в шторм на палубе!

– Может быть, – согласился Званцев. – Так вот, в этой подворотне стоит машина.

– Очень может быть. Отсюда, знаете ли, не видно.

– Она там стоит. – И Званцев покосился на меня, соображая, неужели я действительно осмелилась съязвить в беседе с представителем угрозыска. Но что еще я могла ему ответить? Я действительно не могла разглядеть машину сквозь стены шестиэтажного дома.

– Это «жигуль», вишневый, – продолжал, помолчав, Званцев. – Может, замечали его там раньше? Нет? Ну, это неважно. Примерно в два часа ночи от него отошел человек, вошел в подъезд напротив, пересек ваш двор и скрылся.

– И это все?

– Все, что мы пока знаем, О том, что он вошел в подъезд, сказала женщина, которая там живет на первом этаже. Она ждала дочь с какого-то праздника, не спала, услышала шаги, выглянула в дверь, мало ли чего, и увидела этого человека. Он вошел с улицы и вышел во двор. Она увидела только его спину, мелькнувшую в дверях. Даже не заметила, во что он был одет. То ли в темную длинную куртку, то ли в пальто. И роста не заметила – там ступеньки, трудно сообразить. Вот… Это все, что мы пока знаем.

– Боюсь, что ничем не смогу вам помочь. Я решительно ничего не видела.

– А ваш муж?

Очень захотелось выставить Званцева из комнаты. На то, чтоб сказать «друг», у него, видимо, ума не хватило.

– Он тоже. Да мы и не могли бы никого увидеть.

– Почему же?

– Потому что у меня, как и у всех нормальных людей, зимой закрыты окна.

– Но ведь стекла-то у вас, надеюсь, прозрачные?

Он еще иронизировал! Но срезала я его красиво.

– Вот именно поэтому. Если из освещенной комнаты ночью выглянуть на темную улицу, то прозрачные окна окажутся зеркалом и вы увидите только собственное отражение.

– Действительно… Но люди часто приоткрывают окна.

– Форточку, хотите вы сказать? Но я не такая высокая, чтобы высунуться в нее без помощи стула. А взгромоздиться в два часа ночи на стул ради того, чтобы высунуться в форточку и полюбоваться пустым двором – понимаете, это несколько странно…

– А приоткрыть окно, чтобы покурить возле него?

– Я не курю, – соврала я.

– Однако же кто-то курил у окна, – Званцев показал на пепельницу с остатками пепла, стоявшую на подоконнике.

– Вынуждена покаяться в небольшом грехе, – ледяным голосом сообщила я. – Мне было лень тащить ночью пепельницу на кухню, к тому же беспокоить соседей не хотелось, и я выбросила окурки в окно. Надеюсь, вы не донесете на меня нашей дворничихе?

– Но неужели вы с мужем хотя бы несколько минут не постояли у окна?

Я не сразу сообразила, при чем тут несуществующий муж. А когда поняла и представила себе, как женщина стоит, прислонившись к плечу своего мужчины, лаская пальцами это литое плечо и прячась за ним от холодной струи воздуха из полуоткрытого окна… Это было невыносимо!

Злость, холодная злость – вот в чем сейчас мое спасение. Только она не даст мне зареветь самым дурацким образом – да еще ткнувшись, быть может, в не менее дурацкую уцененную шубу! Злость и атака!

– По-вашему, у окна можно только курить? – задиристо спросила я. – По-вашему, мужчина и женщина наедине главным образом курят? По-моему, им есть чем занять себя и без никотина. И начинают они с того, что целуют друг друга… Не перебивайте меня, товарищ Званцев, я еще не все сказала, и вам эта информация когда-нибудь в жизни пригодится.

– Но раз вы целовались у приоткрытого окна, то могли хоть что-то видеть? – эта размазня, кажется, стала терять терпение. Он качнулся, на этот раз трижды, и это было скорее уж нервное дерганье.

– Простите, я все-таки закончу свою мысль, – в отличие от Званцева, я умела пользоваться сверхвежливыми формулировками. – Так вот, когда мужчина и женщина целуют друг друга, они обычно закрывают глаза. Даже если в это время за окном происходит что-то уголовное. Надеюсь, вы понимаете, что все претензии в данном случае – к физиологии человеческого организма?

– А вы, надеюсь, понимаете, что такое – дача свидетельских показаний? – как можно строже спросил он.

– Если бы речь шла о свидетельских показаниях! Но я не могу быть свидетелем, потому что ровно никого и ничего не видела в два часа ночи. И мой муж тоже. Странно требовать от человека, чтобы он в два часа ночи торчал у окна и ожидал каких-то событий. Так что моя совесть чиста.

– В таком случае простите, что побеспокоил.

– Мелочи, – сказала я. – Работа у вас такая – людей беспокоить. И больных в том числе. Извините, что ничем не смогла помочь.

С тем я его и выпроводила, держась на стиснутых зубах и сжатых до судороги кулаках.

Вернулась я в комнату с той мыслью, что теперь не только можно, но даже и нужно расслабиться и выплакаться. Я даже села для этого на тахту и устроилась поудобнее. Но что-то совсем не плакалось.

Окаянный Званцев душу-то разбередил, а до спасительного и облегчающего взрыва не довел. Даже на это его бестолковости не хватило. Одно слово – размазня. А ведь должно было произойти что-то такое, чтобы я наконец разревелась и утихомирилась, а все то муторное, что сейчас сидело во мне, выплакалось навсегда.

Что касается Званцева, моя совесть в принципе была чиста.

Я действительно никого не видела из окна в два часа ночи.

Званцева интересовало именно это, и я дала исчерпывающий ответ. Да, окно открывала, вот и след на усыпавшем подоконник снегу. Да, выбрасывала… Да, никого не видела…

А остальное…

Остальное его совершенно не касается.

Остальное – факт моей личной биографии. И ничего больше.

***

Значит, сидела я на тахте и думала, как жить дальше, а в коридоре тем временем застучала палка бабки Межабеле. Сама бабка ходила довольно тихо, но вот палку себе подобрала внушительную. Я подумала, что надо бы выползти на кухню и спросить, чем закончился поход в поликлинику. Все-таки бабка в простудные дни всегда меня отпаивала травами.

Когда я подошла к двери, она без всякого стука резко распахнулась, н я чуть не схлопотала по лбу.

На пороге стояла Кузина.

И я поняла, что выплакаться по сегодняшнему поводу не сумею уже никогда. Более того – я через полчаса буду громко хохотать. А то муторное, от которого я хочу избавиться, застрянет во мне на неопределенное время.

Кузина – моя троюродная сестра. В далеком детстве, обнаружив, что по французской терминологии мы являемся кузинами, мы с ней взяли это словечко на вооружение. И до сих пор не можем от него избавиться. Более того – каждого, с кем Кузина вдруг около полуночи заваливается ко мне в гости, я автоматически называю Кузеном, не очень допытываясь насчет настоящего имени. Кузина смеется. Кузен не возражает, и все довольны.

На сей раз Кузина была одна. Видимо, она вошла вместе с бабкой Межабеле.

– Привет, хвороба! – сказала Кузина. – Чего не звонишь?

Я собралась с силами.

– Поздравь меня! – гордо ответила я. – Наконец-то я вырвалась на свободу.

– Что-то я не припомню, чтобы ты собиралась на свободу, – недоверчиво ответила Кузина. – Ты еще неделю назад была довольна своим положением. А если точнее?

– Тебя интересуют факты?

– Они самые. Потому что твое внутреннее состояние мне уже надоело.

О том, что ее внутреннее состояние надоедало мне уже сто раз, при очередной склоке с очередным Кузеном, она и не задумывалась.

– Погоди, я лягу, накроюсь, и будут тебе факты.

Я так и сделала. Кузина сняла пальто, отмотала шарф, кинула их на стул и села у меня в ногах.

– Значит, так. Вчера приходил Борис. Тут я сделала паузу, потому что не видела достаточного интереса на лице родственницы.

– Ну, пришел Борис и… Он что, прощаться приходил?

– Ты сама знаешь, зачем он приходил! – рассердилась я. Кузина могла быть и поделикатнее. Прощаться! Вот согласись я с ней сейчас, что он приходил прощаться, – и с каким азартом она примется мне объяснять, что он за скотина, не стоящая моего мизинца! А в глубине души, пожалуй, будет убеждена, что все справедливо, сколько же может длиться роман с женатым человеком? А виновата я, что ли, что он женатый?

Конечно, рано или поздно прощаться бы пришлось. Я это знала с самого начала. Но вся вчерашняя катавасия разыгралась совсем не из-за этого. И только теперь я задала себе вопрос – в самом деле, из-за чего же? Ведь никакого веского повода для нее не было!

Я стала соображать, а одновременно мне приходилось излагать Кузине факты.

Факты же были таковы.

Если преступник, за которым гонялся Званцев, пробегал по нашему двору в без пятнадцати два ночи, – а пробежать двор, даже по скользкому снегу, он мог минуты за полторы максимум, – то он мог видеть следующую картину. Одно из немногих освещенных окон распахнулось, и из него вылетели импортный журнал и мужской вязаный жилет. Следующим выпорхнул элегантный пиджак, очень гармонирующий с жилетом. Потом пестрой стайкой – всякая мелочь: пакетик анальгина, коробка сигарет, зажигалка и так далее.

Без десяти два выскочил мужчина в накинутой дубленке – если преступник задержался из любопытства, ожидая, не выкинут ли тем же порядком хозяина пиджака, то он мог видеть, как высокий мужчина в дубленке на голос тело ползает по снегу, собирая свое имущество. Ему удалось подобрать все, потому что свет из окна падал на утоптанную дорожку, а там и валялись вещи, я сама видела это в окно. Он унес всю охапку в дом. А минут через десять вышеуказанный мужчина покинул вышеназванный дом навеки.

Кузина пришла в бешеный восторг. Ей особенно понравилось, что я пошвыряла в окно Борисовы тряпочки без всяких объяснений.

А какие тут могли быть объяснения?

Я сидела в кресле в одном халате и смотрела, как он одевается. Его время истекло, и я знала уже полгода назад, что оно истечет часам к двум. Борис никогда не оставался ночевать. И я не уверена, хотела ли вчера, чтобы он остался. Если бы хотела – тогда другое дело. Тогда – проще.

Странное чувство тревожило меня – обычно я считала, что он одевается быстро, а сегодня видела, что он одевается торопливо. Разница немалая. И еще я думала о том, что в такие минуты мы почему-то всегда молчим, как будто совсем уж нечего сказать друг другу, хотя бы про погоду, про троллейбус, про соседей, ну, я не знаю, про что еще!

– Ты с ума сошла! – тем временем восхищалась Кузина.

– Наверно, – с великолепной гордостью говорила я. – Я вдруг поняла совершенно отчетливо, что если сию же минуту не избавлюсь от этого человека и всех его манаток, я умру или действительно сойду с ума. Понимаешь, самое жуткое было – как методически выбрасывала в окно вещи. И озиралась, не забыла ли чего. Я даже газету выбросила.

– Какую газету? – вытаращив глаза, спросила Кузина, и на ее лице крупными буквами написалась зависть: ах, почему не она так царственно избавляется от надоевшего любовника? Р-раз – и в окошко!

– «Литературную». Он привез ее с собой и положил на пол возле тахты. Наверно, приберег на закуску.

Кузина не поленилась встать и выглянуть в окно.

– Разве что воронам на закуску.

– Тем хуже для ворон!

Кузина выпытывала комические подробности, и я на ходу яростно сочиняла их. Даже хохотала сама при этом.

Но совершенно ничего смешного не было в том, что Борис скучным голосом спросил, где его часы, а я ответила, что на телевизоре, почему-то именно туда я складываю вещи, которые не стоит забывать или терять.

– Ну, когда теперь нагрянешь? – спросила я, пока он застегивал браслет, и удивилась собственному голосу. Обычно я старалась придать этой привычной фразе этакую независимость с оттенком небрежной нежности. Так и получалось. А сегодня в ней прозвучала такая явственная неприязнь, что мне стало не по себе.

– Не знаю, звездочка.

– А если точнее?

– Ну ты же понимаешь…

Разумеется, я понимала, что имею дело с почтенным женатым человеком, на восемь лет старше меня, что я могу себе позволить, чтобы ветер в голове окурки гонял, а у него определенные обязательства и так далее.

Он мне ничего не обещал – это верно, ни разу не заходила речь о браке – это так. Я, со своей стороны, никогда не собиралась привязывать его ребенком. Словом, это был роман, каких я наблюдала вокруг великое множество. Все мои незамужние подруги считали делом чести завести и поддерживать хотя бы такой необременительный роман, без обязательств и прав. Что бы ты, голубушка, ни чувствовала на самом деле к герою этого романа, хотя бы страсть, достойную шекспировской героини, изволь соблюдать правила игры.

Я и соблюдала эти правила, уверенная, что таким самоотречением доказываю себе силу собственной страсти. И, видимо, неплохо доказывала, раз меня хватило на целый год конспирации и полуторачасовых встреч. Впрочем, самоотречение было в чем-то даже удобно – роман оставлял прорву свободного времени, и я тратила его с пользой, сдала кандминимум и готовилась в аспирантуру.

Но тогда, в половине второго ночи, все оказалось не так.

Его любимое, тонкое, умное лицо вдруг показалось мне неприятным. Я поняла, что виноват пульсирующий свет ночника, затевающий самую странную игру теней на лице. Но сознание причины вспыхнуло и исчезло, а ощущение осталось.

И то, как он объяснил свой неожиданный приезд – побегом со второго отделения концерта в оперном театре, завершившего длиннейшее торжественное заседание, – меня не развеселило, и я не подумала, что вот ведь, пользуется каждым удобным случаем, чтобы примчаться ко мне! Наоборот. Я представила себе, что жена спросит его насчет программы концерта, она ведь у него дама светская, посещающая решительно все, на что продаются билеты. И он, привычный к этим стереотипным концертам, назовет ведущую балетную пару театра, трех-четырех оперных солистов, насчет камерного хора скажет, что забыл название, но исполняли что-то средневековое… А потом он заскочил к Колеватову, который по случаю рождения двойни принимает гостей только после полуночи, отдал ему его автопортрет, а заодно выпил чаю.

Кузина хохотала.

– Нет, ты и одежду выбросила? Ой, не могу! Представляю себе! Ты просто ненормальная!

Судя по восторгу в голосе, это был комплимент.

– Не всю, конечно. А носки – выбросила. Они валялись рядом с «Литературкой».

– То-то был бы номер, если бы он не нашел носков!

– Нашел. Этот сукин сын все подобрал.

– Да, он у тебя такой. Аккуратный. Кузина никогда не симпатизировала Борису. И не потому, что женатый. Мы просто кое-что знали о его служебной биографии. Не последнюю роль в ней сыграла выгодная женитьба, после которой Борис, истинная дворняжка среди породистых научных и околонаучных деятелей, вдруг резко пошел в гору.

Это возмущало Кузину. Я сперва старалась этого не замечать и не думать на эту тему.

И то, что Кузина назвала Бориса аккуратным, тоже было издевкой. Борис пользовался любой возможностью, чтобы насвинячить в комнате, все раскидать, обсыпать сигаретным пеплом и облить пивом. Наверно, компенсировал необходимость поддерживать порядок в стерильном доме тестя. Там он явно сдувал пылинки с полированных ножек шкафа.

– Аккуратный, – согласилась я, и мы обменялись понимающими взглядами. – Даже обидно – зря старалась.

– Жаль, что его манатки не нырнули в сугроб и ему не пришлось их оттуда выуживать.

– Насчет сугроба я промахнулась. Сугроб оказался левее. И хватит об этом. Закрыли тему. Мне только одной вещи жалко.

– Зажигалки?

– Ага. Ведь только на прошлой неделе ему подарила.

– Ты спонтанная женщина.

– Если бы я ее просто шваркнула в угол, он бы за ней туда не полез. И можно было бы обратно поменяться со Светкой.

– Как же! – вдруг разозлилась Кузина. – Фиг она тебе обратно поменяется! Надо быть такой балдой, как ты, чтобы за копеечную зажигалку отдать этой жмотине восьмирублевый французский брасматик!

– Зажигалка тоже французская. И деньгами Светка брать не хотела.

– Потому что деньгами красная цена этой дряни – трешка. Та еще оторвила! И ты тоже прелесть. Нашла кому подарки дарить. Он тебе много дарил?

– Духи. Пластинки. Цветы таскал. Летом, когда дешевые.

– Вот разве что духи… Если ты их еще не все на себя вылила, давай махнемся?

– А что ты предлагаешь?

– А что хочешь. Можешь распотрошить всю мою косметичку.

Кузина сделала это предложение грубовато и бесшабашно, но в том-то и заключалась истинная деликатность. Она знала мою натуру. Вполне могло статься, что, невзирая на сегодняшнее самоуверенное «закрыли тему», через месяц я засела бы на подоконнике с флаконом в кулаке, нюхая остатки духов и круглосуточно ожидая телефонного звонка. Я не сомневалась, что а ближайшем будущем из комнаты безвестно исчезнут и пластинки, и глиняный чертик, и фотография Бориса.

Но на предложение насчет духов я сегодня могла ответить просто великолепно.

– Если они тебе нужны, выуживай их из кухонного мусорника!

– Ты мне нравишься! – объявила Кузина, пошла на кухню и выудила-таки флакон из мусорника.

А я думала, как же это оно все так получилось.

Борис ведь не сказал ни одного грубого слова, Впрочем, и ласкового не сказал. Как мне удалось завестись, я не понимала. И что такое было в его взгляде, в повороте головы, в движении губ, от чего я сорвалась с кресла и кинулась распахивать окно, я уже не понимала, К тому же, прежде чем понять, нужно было все вспомнить. А именно этот момент и вывалился у меня из памяти. Я напрочь забыла, какие слова сказала Борису, прежде чем хвататься за жилет, журнал и прочее.

Кузина сдержала слово – вывернула передо мной на стол всю косметичку. И это был подвиг – у всякой уважающей себя женщины в походной косметичке все подобрано по цвету и запаху, и восполнить прореху не так-то просто.

– Оставь, – понимая это, сказала я. – Я тебе дарю эти духи. Мне теперь не до косметики.

– А что еще случилось? – вдруг сообразила Кузина. – Выкладывай. Соседи?

Я не удивилась. Мы с ней чувствовали друг друга. Кузина через весь город уловила мое сегодняшнее состояние и приехала.

– Почище. Угрозыск!

– Ты кого-то пришибла Борисовыми башмаками? – развеселилась Кузина. – Или Бориса в подворотне хватил инфаркт?

Я коротко, но довольно ядовито рассказала ей про визит Званцева.

Кузина возмутилась;

– Посылают же болванов! Трудно, что ли, понять, что женщина на грани истерики?

– С чего ты взяла, что я была на грани истерики?

Это было уже лишнее. При Кузине я всегда держалась стойко, и возможная истерика – не ее ума дело.

– А разве это было не так? Разве ты после того, как твой растреклятый Борис смылся, не уселась на подоконник и не таращилась всю оставшуюся ночь на кавардак во дворе? Ох, попался бы мне этот индюк Званцев! Я бы объяснила ему, кто он такой!

– Ты что, знакома с этим Званцевым? – изумилась я.

– С чего ты взяла?

– А почему ты тогда назвала его индюком?

– Потому что он индюк! – уверенно объявила Кузина.

Неуклюжее, несуразное, взъерошенное, коричневое существо, шагающее враскачку и – я вспомнила совершенно отчетливо – с красным кашне на шее! Это был именно индюк, по всем параметрам – индюк, и оттенок кашне тоже был совершенно индюшачий.

Все-таки мое жизнерадостное вранье дало трещину. Ну, было ночное сидение на подоконнике… Только незачем было Кузине докладывать мне, что она все поняла. Могла бы и дать мне покрасоваться в роли победительницы, с позором изгоняющей сукиного сына.

– А что касается Бориса… – голосом, не предвещающим ничего хорошего, начала Кузина и замолчала.

– Ну?

– Ничего.

Но я чувствовала, что в ней занозой засела какая-то идея, и пока Кузина не реализует ее – не успокоится.

* * *

Прошла зима и наступило лето.

Борис не звонил мне, я не звонила Борису.

Кузина ни слова не сказала о Борисе.

Чертик пропал, пластинки – нет. Наверно, Кузина забыла, какие именно нуждаются в изъятии.

И мне показалось, что, вопреки своим привычкам, все забыла.

Вообще-то, когда Кузина втемяшит себе что-нибудь в голову, лучше ей поперек дороги не становиться. Я несколько раз убеждалась в этом. В свое время Кузина поклялась, что выйдет замуж за сына декана своего факультета. Вся ее группа с замиранием сердца следила за событиями. И Кузина всю ораву пригласила на свадьбу. Правда, из этой затеи ничего путного не получилось. Деканский сын оказался разбалован до крайности. А Кузина не стала корчить из себя золушку.

Теперь она пребывала в свободном поиске. И вела его жестокими средствами. Кандидаты в Кузены отлетали от нее, как теннисные мячики. Ей нужен был, как она объявила, расставшись с деканским сыном, мужчина в доме. Зачем ей мужчина в доме, при наличии хозяйственного папы, моего дядюшки, безропотно выполнявшего все домашние обязанности, она не объясняла.

Кандидаты, способные починить телевизор и самостоятельно внести на четвертый этаж холодильник, отсеивались при первом же посещении выставки или театра. Кузина была решительна и никого не щадила. А любители натюрмортов оказывались, как правило, несостоявшимися художниками и жуткими растяпами.

В результате Кузине пришлось как-то давать показания по делу о попытке самоубийства. Один из растяп, особенно нервный, долго угрожал ей этим деянием, наконец решился, проглотил упаковку таблеток и сам же помчался вызывать «скорую помощь»…

Вот какая у меня имелась Кузина. Я привыкла к ней с детства, я любила ее, я была уверена в ее любви ко мне, но немножко ее побаивалась. Дело в том, что мы с ней были очень похожи – обе блондинки, одного роста, только у меня лицо поострее и телосложением я тоньше. И это бы еще ладно – самая скверность заключалась в сходстве характеров. Я была разве что потише Кузины, больше обращена в себя, меньше – к публике. А за исключением этого… Иногда, глядя на ее эскапады, я с ужасом думала, что в глубине души способна на точно такие же. Кузина невольно провоцировала меня. И, может быть, изгнание Бориса было навеяно какой-то из ее авантюр, о которой она сама благополучно позабыла.

Итак, я понемногу убеждалась, что Кузина занята своими делами и не сует нос в мои.

А мне без Бориса жилось, если подумать, даже неплохо. Я много читала, бывала в компаниях, готовилась в аспирантуру и даже вязала себе свитер. Словом, жизнь продолжалась.

Со свитера-то все и началось.

Я затеяла слишком мудреный узор на груди и постоянно бегала консультироваться к бабке Межабеле.

Семейство бабки, с чадами и домочадцами, занимало в квартире три комнаты. Причем комнаты здоровенные, каждая не меньше двадцати метров. Бабка могла выбрать себе для проживания любую комнату, обосноваться в ней, и все были бы только довольны. Так нет же – видимо, вспомнив свою довоенную молодость, проведенную в прислугах, бабка поселилась в девичьей.

Днем-то она, как правило, хозяйничала в трех комнатах, наводила там порядок и стряпала на все семейство. Ночевать же уходила в конуру площадью в четыре квадратных метра. Такие конурки в приличных квартирах примыкают к кухне и предназначены для несуществующих домработниц. Из-за бабкиной блажи всей квартире негде было держать лыжи и велосипеды.

Но с бабкой Межабеле не спорили. Бывают такие обаятельные старушки, при одном взгляде на которых становится стыдно за то, что ты вообще хранишь в памяти какие-то нехорошие слова. Смотрят эти старушки ясным взглядом, их седые волосы разобраны на прямой пробор и завернуты в такие аккуратненькис узелки. И говорят они негромкими, ласковыми голосами, послушаешь – и хочется стать маленькой внучкой, чтобы тебя такая старушка любила, обихаживала и уму-разуму учила.

Вот такой старушкой и была наша бабка Межабеле. Она могла тихим своим голосочком попросить дворовое пацанье не ломать веточек, потому что куст тоже живой и ему больно, и мальчишки ее слушались, хотя вряд ли верили в древесные способности к переживаниям. Наблюдавшая эту сценку дворничиха, ошалев, назвала бабку колдовкой.

Кроме прочих талантов бабка Межабеле отлично вязала, и я беззастенчиво пользовалась этим.

В девичьей не было видно стен под пучками трав. Бабка была главным квартирным лекарем – сама, правда, ходила в поликлинику, но, наверно, больше ради общения с другими восьмидесятилетними бабками. Кое-какие травы я знала и умела ими пользоваться, но без бабки сюда не лазила.

Бабка усадила меня на низенькую свою кроватку, мы разложили вязание на коленях, и она принялась растолковывать мне мою ошибку. Слово за слово – бабка деликатно заметила, что я хожу скучная и не заварить ли мне какой травки, дабы я повеселела?

И я призналась бабке, что мне действительно тоскливо, что сидит во мне нечто муторное и никуда от него не деться, и что должно произойти что-то этакое, из ряда вон выходящее, дабы я очухалась.

Бабка удивилась.

– Живешь хорошо, родители деньгами помогают, молодая, красивая, ученая – чего же еще не хватает? Жениха? Выйди из дому – вот и встретишь. А ты сидишь, как сова в дупле.

– Я выхожу, бабусь. Как выхожу, так и прихожу. Никто мне не нужен. А мне кажется, что так теперь будет всю жизнь – буду уходить и приходить, и все одна.

– Уж ты одна не останешься, – заверила бабка, – только перебирать меньше надо.

– А любовь? Так и брать без разбора, что подвернется?

– Любовь – она тоже всякая бывает. Вот читала в «приложении» – семидесятилетние объявления дают, мужа или жену хотят встретить? Значит, знают, что могут полюбить человека. Только не так, как любит девочка в четырнадцать, и не так, как любит девушка в восемнадцать, и не так, как в двадцать пять, и не так, как в тридцать. Главное – не засидеться…

– В девках? – усмехнулась я, удивившись тому, что мудрая бабка свернула вдруг на такую банальность.

– Нет, девочка, не засидеться в четырнадцати, не засидеться в восемнадцати, не засидеться в двадцати пяти…

– А я вот засиделась, – пожаловалась я. – Не сумела выдернуть себя – вот и сижу. Только не в восемнадцати или тридцати, а вообще вне времени. Как будто его для меня не существует.

– И чего же ты хочешь?

– Ну, чтобы что-то вдруг случилось… – я поискала понятные бабке слова. – Чтобы какие-то события начались, может, даже опасные, Чтобы я была вынуждена действовать, принимать решения, чтобы мне жить стало интересно.

– Учишься, работаешь, в театры ходишь – разве это тебе неинтересно? Я в молодости ученым завидовала, когда женщина читает книжку и все в ней понимает, или беллетристику…

Я не удивилась иностранному слову в бабкиных устах – она иногда принималась пересказывать сентиментальные романы тридцатых годов, которые почему-то называла «беллетристикой».

– Мне этого мало.

– А если начнутся какие-то чудеса в решете – много не покажется? – усмехнулась бабка.

– Нет! – твердо ответила я.

Бабка встала, вышла на кухню, потрещала над газовой плитой электрической зажигалкой и вернулась.

– Воду поставила, – сообщила она, встала на кроватку и стала перебирать травы на стене, от некоторых пучков отламывая по веточке, разглядывая эти веточки на свет и собирая их в букетик. Тем временем вода закипела. Бабка принесла эмалированную джезву с кипятком и большую глиняную кружку.

– Полдень или полночь, – загадочно сказала она. – Сейчас – полдень. Годится.

Она сунула букетик в кружку и залила его кипятком из джсзвы.

– Прикрой ладонью, – велела мне бабка. Я положила на кружку ладонь и ощутила горячее и влажное.

Бабка тем временем что-то вспоминала.

– Бабусь, жжет! – пожаловалась я, не понимая, к чему все эти манипуляции.

– Так и должно быть.

– Я больше не могу!

– Терпи!

Я потерпела еще несколько минут и отдернула руку:

– Довольно!

– Ага, довольно… Твое слово… Больно… Бабка склонилась над кружкой и забормотала. Поскольку она, приготовляя свои отвары, всегда бормотала, мы к этому привыкли, и я не обратила бы внимания на бабку, если бы не странная процедура с моей рукой. Да и то – я слишком поздно вслушалась и уловила лишь несколько слов.

– …Страшно или больно… …вольно… скажешь – довольно, скажешь – довольно… А затем пошла какая-то неразбериха. Я терпеливо ждала, чем все это кончится. Когда бабка перестала бормотать, вода в кружке почти остыла. Я успела провязать два ряда.

– Выпей, – сказала бабка.

– Зачем?

– Увидишь.

Бабкины травы не раз вылечивали меня. Кто ее, бабку, знает – может, она увидела у меня на лице признаки какой-то зарождающейся хвори? Я, долго не рассуждая, вынула из кружки распаренный букетик и выпила все без остатка.

И в эту минуту задребезжал дверной звонок. Увидев Кузину, я сразу поняла, что она не с пустыми руками. И дело тут вовсе не в ее набитой сумке.

Кузина принесла в клювике идею.

– У меня есть к тебе несколько основополагающих вопросов, – начала она чуть ли не с порога. – И первый из них: когда ты в последний раз видела Бориса?

– Вот именно тогда! – отрубила я. Мы несколько месяцев ни словом о нем не обмолвились. И мне очень не хотелось, чтобы Кузина затеяла о нем разговор. Все-таки во мне еще не было желанного равнодушия, которое бы позволило говорить о нем как о постороннем человеке.

– Больше – ни разу? На улице не встречала? Точно?

– Нет. Точно – не встречала.

– Тогда – слушай, – торжественно начала Кузина. – Только не говори сразу «нет». Я спланировала очень злую шутку. Ты меня знаешь – с хорошими людьми я таких шуток не устраиваю. Он сделал все возможное, чтобы напороться именно на эту шутку. Мы стукнем его по самому больному месту. Чего он, по-твоему, больше всего боится? Ну?

– Вылететь с работы.

– Фиг. Вылететь из семьи! Работу-то ему тесть устроит какую душе угодно… И если над ним нависнет угроза вылететь из семьи, это будет только справедливо. Втерся в доверие, а сам на стороне повадился свинячить!

– Ну и зачем тебе понадобилась его семья?

– Я хочу насмерть перепугать его. Чтобы он несколько месяцев прожил в диком страхе. Понимаешь? В страхе, что все его благополучие вот-вот рухнет.

От этих угроз страшно почему-то стало мне.

– Послушай, а нельзя ли притормозить? В конце концов, формально он ни в чем не виноват. Он ничего мне не обещал. Я сама порвала наши отношения. Пусть уж себе существует! Я на него зла не держу. Он меня решительно ничем не обидел.

– Нет, – объявила Кузина, – если его теперь не щелкнуть по носу, он Бог знает что натворит. Их слишком много развелось, этих обаятельных сволочей, которые выбирают себе новую семью, как дойную корову на базаре. Надо хоть одного проучить. Уж больно ловко он приспособился пользоваться всем, что подворачивается под руку. Тобой вот попользовался. Для разрядки. Еще какой-нибудь юной вороной попользуется. Женой пользуется – для положения в обществе. Видела я позавчера его жену. Показали. Если одним словом – декоративная женщина. Для выездов в высший свет современной науки.

– А хоть дезоксирибонуклеиновая! Хоть фос-форесцирующая! Мне-то что до нее?

– Ты бы теперь помирилась с ним, если бы он позвонил? – в лоб спросила Кузина.

Я задумалась.

Кузина сказала правду о наших с Борисом отношениях. Она говорила эту правду еще тогда, когда я обалдела от его появления на моем горизонте. Но правда мне и тогда и теперь была ни к чему. Мне нужен был Борис, мне тогда нужно было мое чувство к нему. Его жизнь за пределами моей комнаты была какой-то несуществующей. И если бы я теперь, после всего, услышала его голос…

– Ни за что, – уставившись в пол, доложила я.

– Ловлю на слове. А теперь слушай внимательно. Позавчера мне пришел в голову замечательный план. Мы ездили купаться на остров Долес…

– Поближе акватории не нашли?

– Не так уж и далеко. Это на речном трамвайчике от центра целый час трюхать. А от Кенгарагского причала – шесть секунд.

– Плюс сорок минут до Кенгарагса.

– Зануда. Сорок плюс шесть секунд на моторке.

– И откуда же у тебя моторка?

В моем голосе не было удивления. Вот если бы Кузина проехалась по Риге на верблюде – я бы, может, и удивилась…

Выяснилось – очередной Кузен, подцепленный неделю назад, проникся серьезными намерениями и возил Кузину к своим родственникам, обитающим на острове Долес. Двоюродный братец кузена подогнал к Кенгарагскому причалу моторку и переправил их на остров. Там ее ждали все прелести хуторского житья – парное молоко, купание в реке, удивительно чистой по нашим химическим временам, свежевыловленная и немедленно зажаренная рыбка, а также прорва земляники, потому что усадьба родственников стоит в лесу.

Так вот, прогуливаясь по берегу в обществе Кузена и его двоюродного брата. Кузина опознала в человеке с удочкой, сидящем на мостках, Бориса.

Вид у него был совершенно домашний.

У Кузины хватило терпения не будоражить вопросами мужчин, а вернуться домой и осторожно все выпытать у тети Милды – хозяйки усадьбы.

И оказалось, что бабка жены Бориса, маменька его всемогущего тестя, – островитянка.

Кузина предприняла все возможное, чтобы посмотреть на жену Бориса, хотя это практического значения для созревшего плана не имело. На это она убила весь вечер и все утро.

Теперь мне стало понятно, почему я напрасно искала Бориса прошлым летом по выходным в Юрмале и на Видземском взморье. Он хорошо спрятался – тем более, что на острове почти не было телефонов.

Прежде чем приступать непосредственно к плану, Кузина притащила из коридора свою набитую сумку.

– Правда, прелесть? – сказала она, вытаскивая широченное и здорово помятое платье из марлевки. – Тебе пойдет, ты можешь себе позволить складки на бедрах. Берешь?

– Сколько?

– Значит, берешь. Половина дела сделана. Но платье я отдам только в комплекте с купальником.

Странно – вытаскивать купальник она не торопилась.

– Я с ним всю ночь возилась, – сообщила он. – Чего только не перепробовала! Наконец сообразила – поролон! Распорола подушку от кресла, пока эти проклятые концентрические круги вырезала, пока сшила, пока сферу скроила… Жуть! Но получилось!

– Какую еще сферу?..– я знала природную ненависть Кузины к точным наукам. Сфера, да еще концентрические круги – это было почище путешествия на верблюде…

– Вот. Эту!

Я взглянула на купальник и ужаснулась.

– Ни за что и никогда!

– Ты только посмотри, как замечательно!

Кузина вскочила, скинула платье и поверх своего купальника натянула тот, от которого я шарахнулась. Потом подошла к зеркалу и с глубочайшим удовлетворением себя оглядела.

– Все рассчитано по «Справочнику фельдшера»! Более того, не перекошено! Движении не стесняет! А вид – будто на восьмом месяце.

Поролоновое пузо, вшитое изнутри в купальник, действительно торчало, как натуральное.

Я прикинула сроки… Если учесть, что мужчины слабоваты в этой арифметике… Да, вполне бы мог быть и восьмой месяц.

– Можешь извлекать свою сферу обратно, – как можно строже сказала я. – Я на это не подписываюсь.

– А почему, позвольте спросить?

– Это неэтично.

– Ты хочешь сказать, что Борис – образец этичности?

– Зачем же опускаться до его уровня? – Никто и не заставляет. Мы просто проучим его. Это будет довольно злой урок, не более того. Ну?

Покопавшись в глубинах своего подсознания, я обнаружила, что проучить Бориса мне не хочется.

– Тем более, что это могло случиться и на самом деле, – продолжала Кузина. – Насколько я знаю тебя, ты бы не стала избавляться от ребенка.

Я задумалась. С одной стороны, ребенок мне теперь был совершенно ни к чему. С другой – однажды, подозревая это, я удивилась собственной покорности судьбе. Возможно, Кузина была права.

– И ты бы вряд ли обрадовала этой новостью Бориса, – не унималась Кузина. – Скорее всего, ты бы поскорее порвала с ним. Хотя бы от сознания того, что он тебе в этой передряге не помощник. У тебя бы не выдержали нервы – и в одну прекрасную ночь ты бы повыбрасывала все его манатки в окошко без объяснений. Разве не так?

Я обалдела. Все было так…

– Значит, предварительную работу ты уже провела. И если он увидит тебя с пузом, он просто решит, что понял, почему ты его тогда выставила. И придет в ужас.

Он, может, и поймет, да я-то до сих пор не могу понять, почему это получилось. Сама для себя я сформулировала расплывчато: вожжа под хвост попала. Но что это было на самом деле, я не знаю.

– Почему это в ужас?

– Потому что женщина в таком положении непредсказуема. Ты можешь устроить ему в общественном месте скандал. Или заявиться к его жене. Или позвонить на работу.

– Ты в своем уме?

– Но он же не знает, что ты ничего этого не сделаешь? Ты просто прогуляешься перед воротами бабкиной усадьбы на острове. Только это! Ты дашь ему возможность увидеть себя, а остальное он сочинит сам. И чем больше он будет соображать и вычислять, тем ему будет страшнее. Каждую ночь он будет видеть в кошмарном сне твое пузо. Которое, кстати, вполне могло бы состояться, если бы не я.

Что верно, то верно – она снабжала меня соответствующими импортными снадобьями.

– Ну, если только прогуляться… В конце концов, разве я в ответе за чью-то разыгравшуюся фантазию? У порядочного человека возникла бы одна мысль – немедленно зарегистриро-

вать брак. А предвидеть все, что закипит и забулькает в голове у непорядочного человека, я никак не смогу.

– Значит, в эту же пятницу, после работы…

– Погоди, погоди…

– А чего ждать? Плохой погоды? Так ведь через неделю можем и дождаться! В пятницу едем, в воскресенье возвращаемся. Где живет Борис, я знаю. Давай, мерь купальник!

– А если в нем проснется совесть и он позвонит?

– Пошлешь к чертовой бабушке! Уж к дверям роддома-то он с розами не явится!

У затеи с поролоновым пузом немедленно обнаружился крупный недостаток. Погода стояла прекрасная, а я на два дня оказывалась выключена из активной жизни. Купаться, загорать и играть в мяч на восьмом месяце беременности вроде не полагается. Да и как купаться, если проклятое пузо немедленно набрякнет и потянет меня ко дну?

Кузина пообещала, что мы вдвоем сбегаем искупаться ночью, когда все заснут. Тем более, что дом тети Милды стоит на самом берегу протоки между островом и курземским берегом Даугавы.

Не успела я опомниться, как Кузина ловко набросила на меня платье из марлевки, одернула и восхитилась результатом.

– Пузо могло быть и больше, – самокритично заявила она. – Для мужчин полутона не годятся. Им если беременность – так подавай в три обхвата, а то не догадаются.

– Можно нажать на детали, – увлекшись, предложила я, и совершенно напрасно. Кузина изучающе на меня уставилась.

– С волосами что будем делать?

– Ни-че-го! – угрожающе ответила я.

– Ну-ну, зачем же так свирепо? Уж если входить в образ… Все беременные носят плоский хвост сзади. У тебя есть резинка?

С моими волосами плоский хвост не получится. Чтобы они плоско лежали, мне нужно полгода головы не мыть.

– Ничего, мы их смажем репейным маслом, – нашлась Кузина. – Это даже полезно. И у тебя будет совершенно беременный вид.

– А светлые волосы репейным маслом не мажут, – выпалила я в великом перепуге, что вот сейчас Кузина достанет из сумки пузырек и начнет меня поливать – Они от него темнеют. И вообще им только ресницы мажут, чтобы лучше росли.

– Хм… Погоди, есть еще такое средство – бриллиантин. После него голова блестит и гладкая, как полированная.

– По-твоему, я для того делала химию, чтобы ходить, как полированная? – и я решительно принялась стаскивать платье.

Произошла небольшая стычка. Победу одержала я, хотя Кузина и возмущалась, что беременным не до ухода за золотыми кудрями, да еще химического происхождения.

Кудри у меня совсем не золотые. Просто я их мою ромашкой. Более того – они не кудри. Просто я сделала легкую химию, только на концах волос, отчего концы посветлели, и вместе с ромашкой получается неплохой эффект. После мытья накрутить на крупные бигуди – и всю неделю прекрасно держатся. Я с таким трудом нашла нужное сочетание всех этих средств – химии, импортного шампуня, ромашки и бальзама для волос – и не могла позволить Кузине загубить ради ее режиссерских затей мою прическу.

Насчет обуви я с ней согласилась немедленно – только низкие каблуки! Тем более, что они вошли в моду. Но по этому случаю даже из «Детского мира» исчезли годами там пылившиеся трехрублевые сандалеты тридцать шестого размера. Так что если Кузина принесет босоножки без каблука, желательно кремового или цвета слоновой кости, я беру их сразу. Кузина горько вздохнула.

Покончив с деталями, мы стали считать варианты. Уж если затевать такую авантюру, так нужно быть готовыми к любому повороту событий.

Кузина заставила меня вспомнить все подробности мартовской ночи и все те слова, какие мы с Борисом сказали друг другу. И мы действительно обнаружили в моих воплях кое-какие двусмысленные закавыки.

– Хватит, – подвела я итог. – А то примусь сочинять, чего не было. Ты же пойми, что я тогда была немножко сумасшедшая. Да и утром тоже… Черт бы побрал этого индюка Званцева! Чуть при нем не разревелась!

– Ничего, и до индюка доберемся! – лихо пообещала Кузина. – Будет знать, как доводить свидетелей до истерики!

В пятницу, в половине восьмого, мы встретились на причале.

Я была в полной боевой готовности – никакого грима, волосы стянуты в хвост на затылке, осанка отрепетирована. Если учесть, что я, не желая травмировать соседей, переодевалась впопыхах в общественном туалете, результат получился неплохой. Одно выдавало меня – босоножки на шпильках. Но кто станет смотреть на ноги беременной женщины?

Во всяком случае, со стороны Кузена такого взгляда не было.

– Айвар – Лита, – представила нас друг другу Кузина.

Айвар был вполне в ее вкусе – большой и красивый.

– Я буду звать вас Кузеном, – предупредила я. – Я так привыкла.

Айвар согласно заулыбался, купил билеты, и мы взошли на борт кораблика.

Главное было – не забыть откликаться на «Литу».

Кузина издевается над моим именем, как хочет. В латышских компаниях делает из меня Литу, в русских – Лильку, потому что родители в свое время догадались – назвали меня импортным именем «Лолита». При той пестроте, которая творится сейчас в латышской ономастике, имя еще ничего, скромное. Могли ведь и Винифредой назвать, если не Индирой.

Кузен встретил кого-то вз знакомых островитян и оставил нас вдвоем. Кузина немедленно потащила меня на нос, чтобы посмотреть на строящуюся телебашню. Если она эту телебашню вблизи не увидит, то ей, видите ли, и жизнь не в жизнь…

– Ты как знаешь, – сказала я, – а я в салон пойду. Здесь же кошмарно дует.

– Перетерпишь, – ответила Кузина. – Беременные женщины по стоячим трапам не лазят.

– Беременные женщины на ветру тоже не сидят.

– Беременные – не сидят, – согласилась хитрая Кузина, но, заметив приближение Кузена, добавила, что свалиться с лестницы для беременной страшнее, чем полчаса посидеть на свежем воздухе.

И она усадила меня на самом носу, лицемерно мотивируя это тем, что на носу якобы качка не так заметка. Мореходные познания Кузины, называвшей лестницу трапом и пассажирский салон каютой, привели Кузена в такой восторг, что он и не задумался, какая может быть качка в абсолютно безветренную погоду.

Зато задумалась я – почему это мужчины так любят, когда женщины говорят заведомые глупости? Хотят хоть по контрасту выглядеть умнее, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.